

— Нет, — Кевин остановился в начале коридора. Сперва он категорично отверг его требование, а затем с абсолютной уверенностью заявил: — В Старый замок Роз отправлюсь я.

Освальд тут же нахмурился:

— Даже не мечтай. Я прекрасно помню, в каком жутком состоянии ты был после ранения. И сколько времени с тех пор прошло? А ты уже собрался в такое место, как Море Миражей? И думать не смей!

Кевин даже не стал утруждать себя объяснениями и все так же непреклонно повторил:

— Я должен пойти.

— Почему? — Освальд решительно не понимал его.

— Считаю, что мне тоже нравится Фаэ, — Кевин ляпнул первое, что пришло в голову.

Освальд:

— ...

На миг в душе Императора шевельнулось отчетливое раздражение, которое было трудно проигнорировать.

— Что это за дурацкая отговорка?! — раз уж на душе у Освальда было скверно, то и на лице его отразилось крайнее недовольство.

Постоянно заявлять о любви к самому себе было бы верхом бесстыдства, так что Кевин не стал повторять это дурацкое оправдание. Он лишь махнул рукой:

— В общем, суть ты понял. Тебе ведь тоже Бог Света симпатичен, так что, думаю, поймешь. В Старый замок Роз я пойду обязательно.

Освальд не задумываясь отрезал:

— Ничего я не понимаю. И не надейся, я тебя не пущу. К тому же ты сам почти никогда не упоминал Фаэ, с чего вдруг он тебе понравился? Кого ты пытаешься обмануть?

С одной стороны, Император считал, что Кевин не станет подвергать себя опасности только ради Фаэ, и у его стремления отправиться в Старый замок Роз должна быть другая причина. Но что там могло быть такого, ради чего стоило проявлять подобное упрямство? Там нет ничего, кроме полуразрушенных стен да летящего песка. Ради чего еще он мог так рваться туда, если не из-за Фаэ?

Проведя этот мысленный анализ, который он счел вполне разумным, Освальд почувствовал, что раздражение в его груди только усилилось, а лицо его сделалось еще мрачнее.

Кевин же, ничего не замечая, продолжил:

— Кто сказал, что нужно постоянно говорить о ком-то, чтобы он тебе нравился? Я вот...

На полуслове он вдруг замолчал и повернулся к коридору, ведущему во внутренний двор. Хмурый Освальд не успел скрыть свои эмоции и с угрюмым видом человека, которому все вокруг задолжали по золотому руднику, тоже повернул голову.

Силуэт, только что завернувший в коридор, робко замер на месте:

— Ваше Величество, господин... Доброе утро.

— Доброе утро, — Кевин кивнул ему.

С тех пор как Кевин до слез напугал Тенис своими когтями, похожими на лапы монстра, Освальду пришлось снова ограничить свободу девочки. Это сделали для того, чтобы больше не пугать ее и чтобы эта неловкая девчонка случайно не растревожила раны Кевина.

Впрочем, этот запрет не был строгим: от нее не требовали безвылазно сидеть в комнате круглые сутки, как раньше. Ей просто запретили без дела бегать в покои Кевина. Тенис очень любила Кевина, а поскольку она лишилась одного из главных сказочников, то капризничала и плакала несколько дней подряд. Зато потом она снова переключилась на покладистого юношу Анджеля.

— Что это у тебя в руках? — Освальду стало неловко оттого, что кто-то застал их с командиром за столь детским спором. Почувствовав легкий цветочный аромат, он решил сменить тему.

Вот только он забыл, с каким мрачным выражением лица стоит, поэтому его вопрос прозвучал как строгий допрос, отчего Анджел буквально оцепенел, вытянувшись в струнку.

Юноша, словно испуганный кролик, крепче прижал к себе ветку с цветами и объяснил:

— Вчера Ее Высочество Тенис спросила меня, как выглядит священный цветок Доро, и я решил сорвать один для нее.

— В наших краях священный цветок Доро — большая редкость, — заметил Кевин.

Анджел кивнул:

— Да. Я сначала хотел нарисовать его, но случайно заметил, что один растет на отвесной скале за военным лагерем, и сорвал его.

На его руке, державшей ветку, виднелась покрытая корочкой ссадина — очевидно, ему пришлось нелегко.

— Я рад, что ты так внимателен к словам Тенис, но в следующий раз не нужно так усердствовать. Если сорвешься с обрыва, вытаскивать тебя будет некому, — сказал Освальд.

Анджел:

— ...

Выражение лица Императора явно еще не сменилось на благодушное, что разительно контрастировало с его словами и создавало ощущение скрытой издевки.

Задав еще пару дежурных вопросов, Освальд махнул рукой, отпуская Анджеля к Тенис.

Заслушавшийся спором Императора и командира о «симпатиях», Анджел явно тоже чувствовал себя неловко. Получив разрешение идти, он поспешил поскорее скрыться.

Едва ушел тот, кого Император считал посторонним, его лицо тут же снова помрачнело. Он твердо бросил Кевину:

— В Старый замок Роз ты не поедешь. И не надейся. Сказал «нет» — значит «нет».

С этими словами он развернулся и размашистым шагом направился к залу заседаний.

Кевин приподнял бровь, почувствовав, что Его Величество Император почему-то капризничает.

«Что-то я в последнее время стал слишком мягким...» — пробормотал он себе под нос. Раньше, не сойдись они во мнениях за пару фраз, он бы давно пустил в ход кулаки, особенно с Освальдом, перед которым не нужно было церемониться.

Качнув головой, он поплелся на некотором расстоянии за Императором и вернулся в зал заседаний. Для начала стоило позавтракать, а после — найти возможность снова поговорить с Освальдом. Если не выйдет по-хорошему, придется пустить в ход кулаки.

Завтрак помог освежить голову, и когда все снова собрались за столом, обсуждение пошло гораздо продуктивнее.

В этот раз быстро определились с командиром отряда, отправляющегося в Старый замок Роз — им стал заместитель командующего Армией Красного Железа Вуд. А его помощником назначили Ника, заместителя командира элитного отряда, который уже бывал в Гробнице Бога Фаэ.

Всем войскам отвели три дня на подготовку, чтобы по прошествии этого срока, с наступлением ночи, начать поэтапное отправление строго по плану.

Кевин пока никак не комментировал это решение, лишь твердо решив про себя позже поколотить Освальда, пусть даже тот и Император.

Однако осуществить задуманное сразу не удалось: когда собрание подошло к концу, с Освальдом что-то случилось.

Высокий Император покачнулся, оперся рукой о край стола и, нахмурившись, слегка помотал головой. Вид у него был неважный.

— Ваше Величество, что с вами? — встревоженно спросил стоявший ближе всех советник.

Хотя Освальд занимал трон не так давно, после случая со святой водой большинство советников и командиров твердо приняли его сторону и прониклись искренней симпатией к молодому Императору. Пусть даже тот часто хмурился и не отличался мягкостью характера.

Кевин резко повернулся к нему:

— Что такое? Голова кружится?

Освальд зажмурился, переждал приступ, потер переносицу и только потом открыл глаза, выпрямляясь:

— Ничего страшного. Не спал всю ночь, вот глаза и устали, дело житейское. Пошли.

Присутствующие встревоженно переглянулись и принялись расспрашивать его снова, явно не веря его словам.

У Освальда была типичная для юношей черта: он до крайности дорожил своей репутацией сильного и здорового человека, словно малейшее недомогание было для него смертельным

оскорблением. Стоило расспросам перерасти в навязчивую заботу, как он окончательно рассвирепел, и только тогда все поспешили неловко ретироваться.

Кевин все еще надеялся дожать его, поэтому не пошел в казармы, а последовал за Освальдом во внутренний двор.

— Так что с тобой только что было? И правда глаза? — Кевин покосился на него и переспросил.

Освальд цыкнул, готовый сорваться, но, встретившись взглядом с Кевином, молча подавил раздражение:

— Вроде того. Просто в глазах внезапно потемнело. Резко поднялся, обычное дело.

Кевин понимающе кивнул.

Освальд покосился на него:

— А ты чего за мной тащишься? Опять хочешь уговорить меня отпустить тебя во главе отряда в Старый замок Роз?

Кевин кивнул, даже не думая скрывать своих намерений.

— Да ты... — Освальда до крайности возмутило это упрямство. Он резко остановился, мертвой хваткой вцепился широкой ладонью в плечо Кевина и, развернув его в противоположную сторону, скомандовал: — Господин напрашивающийся на зуботычину Фассбиндер, ворота вон там. Выкатывайся.

Кевин:

— ...

«Похоже, ты и правда нарываешься!» — господин Кевин Фассбиндер, только что нахваливавший себя за кроткий нрав, вмиг сбросил маску благодушия и замахнулся ногой, намереваясь впечатать подошву прямо в лицо Императора.

Обладающий богатым боевым опытом Освальд молниеносно перехватил его за голень. Он уже собирался прижать Кевина к стене и обездвижить, как вдруг раздался голос командира Патрульной кавалерии столицы Питера, который спешил к ним с очередным срочным донесением:

— Ваше Величество! Только что из столицы... Ой?!

Питер остолбенел от позы, в которой застыли эти двое, и замер на месте, напоминая здоровенную дубину.

<http://bllate.org/book/18285/1753232>